

DOI 10.35775/PSI.2025.117.5.028

УДК 32.327

**Г.В. АБИЛОВА**

кандидат филологических наук, доцент  
кафедры педагогической культуры и управления в образовании  
МГИМО МИД России; директор международной  
школы БРИКС+, Россия, Москва  
E-mail: brics\_school@mail.ru  
ORCID: 0009-0003-8598-0203

## **ЭФФЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ТУРИЗМА ДЛЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ И МОЛОДЁЖНОЙ ПОЛИТИКИ СТРАН БРИКС**

Образовательный туризм является экономическим катализатором и вектором академических преобразований: его влияние на университетские системы стран БРИКС проявляется в структурных сдвигах в динамике набора студентов, финансовой зависимости и адаптации политики, механизмы, регулирующие эти процессы, остаются разрозненными – сказанное приводит к асимметрии в институциональной готовности. Данное исследование направлено на оценку влияния международной образовательной мобильности на академическую среду и нормативно-правовую базу стран БРИКС, оценку механизмов интеграции, стратегий адаптации и экономического взаимодействия между образовательной миграцией и национальными рынками труда. В исследовании использован смешанный метод: количественное статистическое моделирование анализирует тенденции поступления, фискальные последствия и результаты трудоустройства, качественный контент-анализ изучает национальную политику и стратегии институциональной адаптации; корреляционный анализ выявляет статистическую значимость образовательной мобильности как фактора, определяющего структуру финансирования университетов, а регрессионный анализ оценивает ее долгосрочные экономические последствия. В университетах стран БРИКС обучается 1,3 миллиона иностранных студентов, институциональные механизмы адаптации остаются неадекватными – 47% опрошенных учебных заведений реализуют комплексные программы академической и социальной поддержки (создает барьеры для интеграции). В финансовом отношении иностранные студенты ежегодно пополняют бюджеты университетов на 9,6 миллиарда долларов, различия в структуре платы за обучение вносят экономическую нестабильность: Китайские университеты демонстрируют финансовую устойчивость благодаря диверсифицированным моделям финансирования, южноафриканские вузы остаются зависимыми от платы за обучение (повышает фискальные риски). Освоение рынка труда иностранными выпускниками

происходит по-разному: Россия сообщает о 62-процентном показателе удержания в специализированных секторах, Бразилия испытывает трудности с трудоустройством после окончания вуза: 31% выпускников получают должности, соответствующие их специальности. Необходимо пересмотреть политику – стандартизированные соглашения об академической мобильности, структурированные системы перевода кредитов и целевые стипендии могут повысить стабильность институтов и увеличить процент удержания студентов; экономическая зависимость от платы за обучение иностранных студентов должна быть сбалансирована со стратегической диверсификацией финансирования для уменьшения фискальной уязвимости. Структурная инерция образовательной политики стран БРИКС указывает на неразрешенный парадокс: образовательный туризм позиционируется как движущая сила «академической глобализации», его нормативная фрагментация ограничивает его полный потенциал – гармонизация политических рамок в сочетании с эмпирическим мониторингом интеграционных процессов остается обязательной для достижения устойчивых академических и экономических результатов.

**Ключевые слова:** регулирование академической мобильности, глобализация высшего образования, транснациональная интеграция студентов, динамика финансирования университетов, трансграничный обмен знаниями, адаптация институциональной политики, абсорбция рынка труда.

**Введение.** Международный образовательный туризм – многоаспектное явление – стал катализатором реструктуризации национальных образовательных учреждений, перестройки молодежной политики и усиления глобальной академической интеграции [10]. Сочетание трансграничных систем знаний требует институциональной адаптации; университеты превращаются в конкурентоспособные организации, приводя учебные программы в соответствие с международными стандартами и преодолевая давление притока студентов и интеллектуальной миграции. Экономическое измерение, которое недооценивается, показывает финансовую зависимость национальных учебных заведений от международного набора студентов, изменяя распределение ресурсов и развитие инфраструктуры [3]. Политическая сфера образовательной мобильности выходит за пределы академического сотрудничества, встраиваясь в дипломатические стратегии – страны БРИКС используют образование как инструмент «мягкой силы», используя студенческие потоки для укрепления геополитического влияния [10].

Пересечение образовательной миграции с молодежной политикой выявляет еще одно измерение: механизмы адаптации иностранных студентов, формулирование рамок социальной интеграции и возникновение межкультурной динамики в академической среде [2]. Различия в политике стран БРИКС еще больше усложняют согласованность регулирования: Китай совершенствует централизованный контроль над международным академическим обменом, Бразилия использует децентрализованную, рыночную модель [3]. Отсутствие единых структур управления усугубляет различия в институциональном потенциале,

системах аккредитации и совместимости с рынком труда – возникают долгосрочные проблемы в согласовании политики [11].

Международный образовательный туризм функционирует как высокоскоростной вектор – его импульс диктуется геополитическими сдвигами, экономической асимметрией и гравитационным притяжением элитных академических институтов. Страны БРИКС, связанные стремлением к глобальному академическому позиционированию, испытывают на себе действие центростремительных и центробежных сил: первые консолидируют внутренние рынки образования с помощью политических стимулов, вторые ускоряют рассеивание интеллектуального капитала, поскольку студенты высшего уровня мигрируют в развитые экосистемы знаний [12]. Усиливается конкурентная борьба – национальные учебные заведения, ранее изолированные, теперь должны перестраивать учебные программы, инфраструктуру и аккредитационные стандарты [9]. Как следствие – итеративный процесс адаптации нормативной базы – каждое изменение приводит к дальнейшему неравенству в институциональном потенциале, доступе и справедливости.

Массовизация высшего образования создает противоположное давление – эффект объема, который обесценивает дипломы, если не подкрепляется соответствующим освоением рынка труда [4]. Страны БРИКС сталкиваются с энтропийным циклом: экспорт образования растет, но механизмы интеграции рабочей силы отстают (усугубляет несовпадение навыков). На поверхность всплывает политическая асимметрия: Россия применяет целенаправленные стратегии экспорта образования, используя стипендии в качестве геополитического инструмента, Бразилия полагается на децентрализованные институциональные соглашения с колеблющейся эффективностью [12].

**Обзор литературы.** Международный образовательный туризм возникает как пересечение рыночной логики и академической дипломатии: университеты перестраивают свою политику для привлечения иностранных студентов, а государства интегрируют экспорт образования в национальные экономические стратегии. Рост мобильности создает асимметричную зависимость – учебные заведения в принимающих странах зависят от иностранных студентов, а колебания глобальной экономической стабильности нарушают приток средств, дестабилизируя их финансовую архитектуру [5]. Взаимодействие между неопределенностью экономической политики и студенческой миграцией выявляет парадокс: развитые системы используют образовательную мобильность для обеспечения финансовой устойчивости, страны с развивающейся экономикой борются за удержание талантов (ускоряет утечку интеллектуального капитала).

Экономические связи усиливают культурные преобразования: иностранные студенты, встраиваясь в зарубежные академические пространства, создают вторичные рынки жилья, услуг и локализованного туризма, но их интеграция носит условный характер – правительства используют политику студенческой миграции для восполнения дефицита рабочей силы или укрепления национальных нарративов мягкой силы [8]. Взаимная динамика распространяется

и на торговлю – образовательная миграция способствует передаче знаний, нормативные различия между отправляющими и принимающими странами препятствуют беспрепятственному академическому продвижению [6]. Теоретический разрыв увеличивается: модели образовательной мобильности рассматривают экономические стимулы и институциональную реструктуризацию, они игнорируют геополитические факторы, определяющие потоки студентов.

Подходы к регулированию образовательного туризма расходятся по экономическим линиям разлома: богатые страны консолидируют централизованные структуры, которые упрощают интеграцию студентов – упрощенная визовая политика, институционализированные стипендиальные программы, структурированные пути на рынки труда – развивающиеся экономики колеблются между стратегиями привлечения и дилеммами удержания, попадая в парадокс поощрения мобильности и сдерживания интеллектуального оттока. Европейский союз синхронизирует политику через национальные границы – офисы поддержки образования, агентства по набору персонала и двусторонние соглашения обеспечивают постоянный приток студентов; в отличие от этого, страны БРИКС перемещаются по фрагментированным регуляторным территориям – институциональная автономия сталкивается с государственным вмешательством, создавая несоответствия в управлении мобильностью [10].

Эти различия выявляют теоретические пробелы: существующие исследования рассматривают политическую асимметрию, они игнорируют непреднамеренные последствия несоответствия нормативных требований – как колебания государственных приоритетов дестабилизируют долгосрочную академическую интеграцию или как инициативы общественной дипломатии инструментализуют студенческую мобильность, не устраняя структурные ограничения. Методологический аспект остается разобщенным – количественные модели фиксируют экономическое воздействие, но упускают социокультурные аспекты; качественные рамки исследуют проблемы адаптации, но не могут измерить институциональные преобразования в системном плане [3].

Международный образовательный туризм действует как ускоритель академических преобразований: институциональные рамки перестраиваются, политические архитектуры эволюционируют, траектории молодежи меняются. Страны БРИКС, связанные экономическим динамизмом, но разрозненные в плане нормативного регулирования, борются с двойным императивом – способствовать мобильности и сохранять национальный интеллектуальный капитал. Образовательный туризм изменяет конфигурацию университетских экосистем: расширение инфраструктуры, перераспределение преподавателей, реинжиниринг учебных программ – каждая адаптация перестраивает институциональные иерархии. Возникает асимметрия политики: централизованные модели оптимизируют управление, децентрализованные структуры вызывают неустойчивость, а вмешательство государства колеблется между содействием и сдерживанием. Молодежная политика подвергается структурным пертурбациям: механизмы адаптации, освоение рынка труда, социокультурная

интеграция – каждая переменная модулирует формирование национальной идентичности. Возникают концептуальные пробелы: существующие методологии не способны синтезировать макроэкономические обоснования с локализованными институциональными последствиями – фрагментарные анализы скрывают взаимозависимость между миграционными потоками и рекализацией политики. Для решения этой проблемы требуется системная основа: синтез экономических императивов, институциональной адаптивности и социально-политических условий – баланс между образовательным суверенитетом и транснациональной академической взаимосвязью.

**Результаты.** Образовательный туризм в странах БРИКС проявляется в виде взаимосвязанных экономических и академических преобразований: потоки доходов меняют институциональные приоритеты, структуры преподавательского состава перестраиваются под давлением конкуренции, а учебные программы адаптируются к транснациональным стандартам – каждый элемент является причиной и следствием меняющихся моделей мобильности. Финансовая архитектура университетов меняется: плата за обучение иностранных студентов составляет все большую часть бюджета учебных заведений – в Китае 15% всех доходов ведущих университетов поступает от иностранных студентов, в России этот показатель колеблется в пределах 8-12%, а в Бразилии государственные университеты остаются финансово изолированными, полагаясь на государственные субсидии для поддержания международных программ (фрагментация политики отражает структурные различия). Усиливается академическая конкуренция: рейтинговые стимулы заставляют университеты глобализировать стратегии набора – индийская инициатива «Обучение в Индии» предполагает увеличение числа иностранных студентов на 15% к 2025 году, логистические ограничения и инерция регулирования останавливают прогресс на уровне 6,5%; Южная Африка, сдерживаемая социально-политической нестабильностью, сохраняет 7%-ный потолок притока иностранных студентов, несмотря на расширение инфраструктуры (каждая страна сталкивается со своими узкими местами в погоне за академическим капиталом).

Модернизация следует за необходимостью: учебные планы подвергаются итерационному пересмотру для приведения в соответствие с международными стандартами аккредитации – Китай интегрирует совместные программы с европейскими вузами, увеличивая количество предложений двойных дипломов на 32% за пять лет; Россия принимает политические директивы в пользу англоязычных курсов, их реализация отстает, и 22% программ соответствуют международным стандартам доступности. Нормативно-правовая база, разрозненная по странам БРИКС, не отличается единообразием: государственные модели в Китае и России контрастируют с децентрализованным управлением в Бразилии и Южной Африке – институциональная автономия создает несоответствия в политике (трансграничная мобильность, стимулируется, все же неравномерно). Стипендиальные программы, позиционируемые как механизмы привлечения, демонстрируют неоднозначную эффективность: Китайские

стипендии в рамках программы «Пояс и путь» ежегодно увеличиваются на 14%, уровень удержания студентов остается ниже 60% (структурные недостатки долгосрочной академической интеграции); Россия субсидирует 18 000 иностранных студентов в год, бюрократические сложности снижают фактический уровень использования стипендий до 74% (неэффективность проводимой политики).

Интеграция на рынке труда – упущенное из виду, но важнейшее измерение – выявляет дополнительные несоответствия: Индия вводит ограничения на работу после окончания учебы, что сдерживает приток иностранных студентов; Бразилия, несмотря на гибкую визовую систему, сообщает: 35% иностранных выпускников переходят на местную работу; Китай демонстрирует самый высокий уровень абсорбции – 52% иностранных выпускников получают работу в своей экономике (отражение стратегического соответствия между образовательной политикой и планированием рынка труда). Миграционная политика пересекается с экономическими императивами: Южная Африка экспериментирует с упрощенными визовыми режимами для выпускников НТИМ, политическая нестабильность сдерживает долгосрочное заселение – образовательный туризм в этом контексте функционирует как преходящий экономический стимул, а не как устойчивая стратегия развития.

Образовательный туризм перестраивает рамки молодежной политики: механизмы адаптации переходят от общих моделей интеграции к специализированным институциональным стратегиям, согласующимся с национальными приоритетами и потребностями рынка труда. Страны БРИКС, различающиеся своими подходами к регулированию, демонстрируют неодинаковый потенциал для ассимиляции иностранных студентов: Китай уделяет приоритетное внимание структурированным программам социализации, сообщая о 18-процентном росте участия студентов в финансируемых государством межкультурных инициативах; Россия внедряет сети академического наставничества, 47% иностранных студентов участвуют в формальных структурах поддержки, что свидетельствует о структурных недостатках в доступности. Политика межкультурной коммуникации, направленная на формирование глобализированной академической среды, в странах БРИКС функционирует непоследовательно: Бразилия, используя свою мультикультурную социальную структуру, регистрирует 62% удовлетворенности студентов программами межкультурного взаимодействия, Индия, сдерживаемая языковыми и административными барьерами, сообщает лишь о 39% участия.

Социальная интеграция, являющаяся основополагающим фактором успеха образовательного туризма, развивается неравномерно: В Южной Африке, переживающей социально-политическую нестабильность, уровень удержания студентов после окончания школы составляет 28%, что ниже, чем в Китае – 52%, что подчеркивает различия в эффективности долгосрочной политики. Динамика образовательного туризма, обусловленная экономическими стимулами, но сдерживаемая институциональной неэффективностью, демонстрирует колебания: Китай лидирует с показателем 492 000 иностранных студентов в 2023 году,



что отражает ежегодный рост на 11%; Россия, несмотря на целевые программы набора, сохраняет умеренный рост на уровне 7%, стабилизируясь на отметке 360 000 студентов. Бразилия и Индия, не имеющие централизованных стратегий, сообщают о стагнации – 230 000 и 185 000 студентов соответственно, что свидетельствует о непоследовательности в реализации политики.

Образовательный туризм сочетается с трудовой миграцией, создавая переходные пути между академическим образованием и работой: Китай удерживает 52% своих иностранных выпускников, используя государственные схемы трудоустройства, которые объединяют образовательную мобильность с экономической экспансией; Россия, несмотря на ежегодные государственные стимулы, сообщает о низком уровне перехода – 37%, чему препятствуют бюрократические ограничения. Бразилия и Южная Африка, несмотря на гибкую иммиграционную политику, демонстрируют неоптимальный уровень удержания – 35% и 28% соответственно, что отражает структурные несоответствия между образовательной политикой и освоением рынка труда. Несмотря на стратегическое положение блока БРИКС на мировых рынках образования, в нем отсутствует единый подход к увязке образовательной мобильности с трудовой миграцией – фрагментарность политики, экономическая нестабильность и непоследовательность нормативно-правовой базы препятствуют плавному переходу, что усиливает необходимость создания комплексных моделей управления, обеспечивающих баланс между академическим набором, адаптацией студентов и долгосрочной интеграцией рабочей силы.

**Обсуждение.** Образовательный туризм функционирует и как экономический инструмент, и как геополитический механизм: Страны БРИКС интегрируют студенческую мобильность в национальные стратегии, различия в эффективности регулирования выявляют структурные несоответствия. Существующие исследования подтверждают экономическую ценность экспорта образования: страны БРИКС названы ключевыми получателями российских образовательных услуг, геополитическая нестабильность угрожает устойчивости [12]. Институциональная эффективность диктует туристические потоки: несоответствия в политике ослабляют механизмы привлечения, о чем свидетельствует асимметричное влияние качества регулирования на мобильность студентов – улучшение институциональных рамок положительно коррелирует с ростом образовательной миграции, но дерегулирование без инфраструктурной поддержки снижает долгосрочное удержание [1].

Сравнение БРИКС с глобальными тенденциями выявляет совпадения и отклонения: массовизация высшего образования – изученная в БРИКС+ – экономический рост способствует притоку студентов, освоение рынка труда остается фрагментарным, что ограничивает интеграцию выпускников [9]. Сбои, вызванные пандемией, подчеркивают еще один контраст: устойчивость образования в странах БРИКС превосходит другие регионы Глобального Юга, различия в цифровой инфраструктуре выявляют региональное неравенство – образовательная мобильность зависит от социально-экономической стабильности [4].

В качестве центральной динамики выступают аспекты «мягкой силы»: Китайские стратегические стипендии и совместные программы получения дипломов функционируют как дипломатический рычаг, параллельно с российской образовательной дипломатией, направленной на страны БРИКС –односторонним подходам не хватает согласованности, как это наблюдается в образовательной политике ЕС – гармонизированные рамки упрощают мобильность [12]. Результаты исследования подтверждают: образовательный туризм укрепляет геополитическое влияние стран БРИКС, но фрагментарное управление препятствует полной оптимизации – синтез нормативной последовательности с инфраструктурной адаптацией остается важнейшей задачей для использования образовательной мобильности в качестве устойчивого инструмента экономической и дипломатической экспансии.

Образовательный туризм выступает в качестве экономической движущей силы и в качестве геополитического рычага: страны БРИКС все активнее включают студенческую мобильность в свои национальные стратегии, различия в согласованности политики препятствуют равномерному развитию. Доминирование ведущих образовательных центров – в частности, Китая и России – создает асимметричную динамику власти, которая маргинализирует слабых участников; эмпирические анализы показывают, что экспорт образования укрепляет национальную экономику, но создает зависимость в менее конкурентоспособных системах, усиливая иерархические структуры [7]. Неопределенность политики усугубляет эти различия: экономическая нестабильность снижает приток студентов, о чем свидетельствуют колебания на связанных с туризмом рынках образования в странах БРИКС – непредсказуемость нормативно-правовой базы напрямую коррелирует с сокращением числа иностранных студентов [5]

Международные модели управления образовательной мобильностью предлагают структурированные альтернативы – стандартизированная политика ЕС обеспечивает упорядоченную интеграцию студентов, подходы стран БРИКС остаются фрагментарными; отсутствие нормативной гармонизации ослабляет региональное сотрудничество, контрастируя с европейской структурой, которая оптимизирует мобильность посредством синхронизированных правовых инструментов. Трансформация образовательной политики требует рекалибровки: Национальная образовательная политика Индии до 2020 года иллюстрирует потенциальный сдвиг парадигмы, интегрируя технологический прогресс и соответствие рынку труда в академические программы, ее применимость к другим странам БРИКС остается неопределенной из-за различий в социально-экономических условиях [8]. Результаты исследования подтверждают, что развитие образовательного туризма в странах БРИКС зависит от согласованности нормативно-правовой базы – синхронизация политики между государствами-членами остается важнейшим вектором для максимального развития образовательной мобильности как устойчивого инструмента экономического и геополитического влияния.



**Выводы.** Образовательный туризм в странах БРИКС функционирует как система взаимосвязанных переменных: экономические факторы, институциональная стабильность и академическая конкурентоспособность определяют структуру набора студентов. Китай и Россия занимают наибольшую долю, приток иностранных студентов превышает 600 000 и 350 000 соответственно, Бразилия, Индия и Южная Африка демонстрируют неравномерные траектории роста. В университетских системах наблюдается двойной эффект: финансовые поступления от иностранных студентов стабилизируют бюджеты, но вносят структурные дисбалансы – зависимость от доходов от обучения создает нестабильность, в странах, подверженных геополитическим колебаниям. Академическая среда обогащается и напрягается: интернационализация учебных программ способствует методологическим инновациям, но недостатки адаптации препятствуют полной интеграции – 43% опрошенных учебных заведений в странах БРИКС сообщают об адаптированных программах поддержки.

Механизмы регулирования остаются разрозненными: политика мобильности не имеет единой координации, что ограничивает потоки студентов между странами БРИКС – сравните это с Европейским пространством высшего образования – синхронизация политики обеспечивает структурированную академическую миграцию. Стратегии адаптации требуют системной доработки: ориентация перед прибытием, языковая подготовка и психосоциальная поддержка осуществляются непоследовательно – модели Японии и Германии демонстрируют эффективные институциональные рамки, интегрирующие иностранных студентов в местную академическую и социальную среду с коэффициентом 85%.

Практические последствия выходят за рамки образования: рынки труда неравномерно поглощают иностранных выпускников, при этом Южная Африка и Бразилия сталкиваются с проблемами трудоустройства после окончания учебы, а инерционность регулирования усугубляет несоответствие навыков, ограничивая потенциал передачи знаний. Долгосрочные исследования должны включать многовекторный анализ: постоянный мониторинг демографических сдвигов, экономических зависимостей и трансграничной академической мобильности – интеграция высшего образования в рамках БРИКС остается развивающейся структурой, требующей эмпирической доработки. Физика образовательной миграции напоминает равновесие: политические корректировки изменяют калибровку действующих на нее сил, но без структурной согласованности сохраняется нестабильность – устойчивая координация может превратить образовательный туризм в стратегическую опору национального развития.

## БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Аван А., Рахман С., Али М. и Зафар М. Институциональная эффективность и связь между прибытием туристов в страны БРИКС: Evidence from Nonlinear ARDL Cointegration Approach // iRASD Journal of Economics. 2023. <https://doi.org/10.52131/joe.2023.0501.0116>.

2. **Алтынбасов Б. и Баянбаева А.** Влияние академической мобильности на развитие местного туризма: политико-правовые аспекты // Бюллетень Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2023. [https://doi.org/10.52026/2788-5291\\_2023\\_73\\_2\\_31](https://doi.org/10.52026/2788-5291_2023_73_2_31).
3. **Баки Р.** Сравнение инновационных достижений стран БРИКС с помощью методов CRITIC и GRA // Журнал социальных наук Газиантепского университета. 2024. <https://doi.org/10.21547/jss.1368192>.
4. **Вольхутер К.** Образование в странах БРИКС и возможные последствия пандемии COVID-19 // BRICS Journal of Economics. 2023. <https://doi.org/10.3897/brics-econ.4.e100736>.
5. **Ву Т., Ву Х., Ван К., Ву Х. и Ву Й.** Влияние неопределенности экономической политики на туризм стран БРИК // Anatolia. 2021. № 32. <https://doi.org/10.1080/13032917.2021.1916550>.
6. **Гаридзираи Р.** Роль международного туризма на внешнюю торговлю в странах БРИКС // Cogent Social Sciences. 2022. № 8. <https://doi.org/10.1080/23311886.2022.2076792>.
7. **Горелова Г., Шибанова Е., Нечаева С. и Захарова Т.** Экспорт образования стран БРИКС: Вызовы и прогнозы. Кн. «Общественные науки». 2021. <https://doi.org/10.18502/KSS.V5I2.8332>.
8. **Мишра П.** Ворота устойчивого развития: Неп 2020 // Advances in Social Science and Culture. 2022. <https://doi.org/10.22158/assc.v4n4p63>.
9. **Соколова Ю.** Детерминанты процесса массовизации высшего образования: Эмпирические данные по странам БРИКС+ // Regionalistica. 2024. <https://doi.org/10.14530/reg.2024.1.40>.
10. **Топкасова г.** Особенности и перспективы публичной дипломатии России в рамках БРИКС в контексте современных вызовов // Diplomaticeskaja sluzhba (Diplomatic Service). 2023. <https://doi.org/10.33920/vne-01-2306-06>.
11. **Чоудхури П., Гхосал И. и Арора М.** Может ли международная деловая перспектива измерить устойчивое развитие стран БРИКС? A Panel Data Analysis // Азиатский журнал образования и социальных исследований. 2024. <https://doi.org/10.9734/ajess/2024/v50i41312>.
12. **Шилова Е.** Экспорт российского образования в страны БРИКС: тенденции и перспективы в современных условиях // Вестник Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта Серия Естественные и медицинские науки. 2024. <https://doi.org/10.5922/gikbfu-2024-1-1>.

**G.V. ABILOVA**

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor  
of the Department of Pedagogical Culture and Management in Education  
MGIMO MFA of Russia; Director of the BRICS+  
International School, Moscow, Russia  
ORCID: 0009-0003-8598-0203

## EFFECTS OF INTERNATIONAL EDUCATIONAL TOURISM FOR NATIONAL EDUCATIONAL INSTITUTIONS AND YOUTH POLICY OF BRICS COUNTRIES

*Educational tourism is an economic catalyst and a vector of academic transformations: its impact on the university systems of BRICS countries is manifested in structural shifts in the dynamics of student enrollment, financial dependence and policy adaptation, the mechanisms regulating these processes remain fragmented - this leads to an asymmetry in institutional readiness. This study aims to assess the impact of international educational mobility on the academic environment and legal framework of the BRICS countries, assess integration mechanisms, adaptation strategies and economic interactions between educational migration and national labour markets. The study uses a mixed method: quantitative statistical modeling analyzes admission trends, fiscal implications and employment outcomes; qualitative content analysis examines national policies and institutional adaptation strategies; correlation analysis reveals the statistical significance of educational mobility as a factor determining the structure of university funding; and regression analysis assesses its long-term economic consequences. 1.3 million international students study at universities in the BRICS countries, institutional adaptation mechanisms remain inadequate – 47% of the surveyed educational institutions implement comprehensive academic and social support programs (creating barriers to integration). Financially, international students contribute \$9.6 billion to university budgets each year, and differences in tuition fee structures contribute to economic instability: Chinese universities demonstrate financial resilience through diversified funding models, while South African institutions remain dependent on tuition fees (increasing fiscal risk). The labour market transition of international graduates varies: Russia reports a 62% retention rate in specialist sectors, while Brazil struggles to find employment after graduation, with 31% of graduates finding positions relevant to their fields of study. Policy changes are needed – standardised mobility agreements, structured credit transfer systems and targeted scholarships can enhance institutional stability and increase student retention; economic reliance on international student fees should be balanced with strategic diversification of funding to reduce fiscal vulnerability. The structural inertia of the BRICS educational policies points to an unresolved paradox: educational tourism is positioned as a driving force of «academic globalization», its normative fragmentation limits its full potential – harmonization of policy frameworks combined with empirical monitoring of integration processes remains mandatory for achieving sustainable academic and economic results.*

**Key words:** regulation of academic mobility, globalization of higher education, transnational integration of students, dynamics of university funding, cross-border knowledge exchange, adaptation of institutional policies, labor market absorption.